

«Этот хозяин все государство держать»: украинские мотивы в *Педагогической поэме* А.С. Макаренко

Елена Толстая

1. Классики соцреализма новыми глазами

В результате переворота в российской филологии, произошедшего в 1980-е – 2000-е годы, в литературу вновь вошли не только сотни ранее запретных и несправедливо вычеркнутых имен, но и целые периоды творчества официозных советских писателей, представшие в новом свете. Я сама посвятила много усилий малоизученным периодам творчества А.Н. Толстого. Вынесенный на основе этой работы опыт учит, что многие тексты советских писателей XX века оставались неизвестными, некоторые сознательно держались под спудом, а имевшиеся были искажены наслоениями тенденциозной редакции, бесчисленными интерполяциями и фальсификациями. Иногда подобную редактуру вносил сам автор. В специальной статье (Толстая 2003, 422-42) я описала метаморфозы знаменитой книги Н.А. Островского, определила, откуда он взял название, имя героя, основные перипетии, и проследила за муками навязанной ему саморедактуры, в результате которой в тексте не осталось ни одного живого места.

Подобные же проблемы обрушиваются на тех, кто захочет исследовать творчество и других так называемых классиков соцреализма, надежно похороненных под советскими собраниями сочинений. Таков и случай Антона Макаренко, описавшего свой опыт перевоспитания малолетних преступников в колонии под Полтавой в 1920-1926 гг. в знаменитом романе *Педагогическая поэма* (1935). Первое собрание сочинений Макаренко в семи томах

Elena Tolstaya, The Hebrew University of Jerusalem, Israel, elenadtolstaya@gmail.com

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Elena Tolstaya, *Ukrainian motifs in A. S. Makarenko's Pedagogical Poem*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1.17, in Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, pp. 185-201, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0238-1, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1

вышло в СССР в начале 1950-х, второе – в семидесятых-восьмидесятых, а третье, критическое издание, двуязычное – в немецком переводе и по-русски – выпускал в Марбурге сотрудник кафедры педагогики Марбургского университета, энтузиаст Макаренко Гетц Хиллиг, недавно умерший (1938-2019 – Ткаченко 2019). Вышло восемь томов с разными номерами, после чего проект был остановлен (Макаренко 1972-1997). Во времена перестройки, а особенно – в девяностые годы российские и украинские ученые, занимающиеся Макаренко, имели достаточно возможностей ознакомиться с трудами Хиллига, которые переводились на русский язык и издавались в России и Украине. Текстологические штудии Хиллига, располагавшего фотокопиями с архивных подлинных текстов Макаренко, описывали многослойное, поэтапное редакторское вмешательство, огромные купюры и вставки обязательных для эпохи сталинистских мемов. К сожалению, он не успел сделать научных выводов из уже проделанной титанической работы, однако опубликовал ряд статей, которые стали обязательными к использованию в данной теме (Хиллиг и Виль 1993; Хиллиг 1998; 2012; 2014).

Хотя марбургские реконструкции Хиллига поначалу игнорировались в советской редакционной практике, все же группе его последователей в России удалось реконструировать текст *Педагогической поэмы* (Макаренко 2003; 2018), восстановив купюры по рукописям.

Западный интерес к педагогическому эксперименту Макаренко вырос на волне марксистских увлечений, охвативших интеллектуальные круги Германии в 1960-х – 1980-х. Однако критическое издание его трудов, предпринятое Хиллигом, вскрывало многочисленные советские фальсификации и не вполне отвечало левому драйву. Теперь, когда энтузиазм вокруг перековки, коллективизма и прочих понятий сталинского времени поутих, немецкие ученые пытаются переосмыслить наследие Макаренко и решить, исчерпывается ли оно коллективным насилием над личностью и прочими чисто сталинскими методами воспитания или остается что-то, что может быть полезно в новых условиях (Waterkamp 2018, 37-55). Хиллиг писал, наоборот, что успех и популярность Макаренко именно в сталинскую эпоху можно объяснить частичным отказом Сталина от левизны Ленина и Троцкого, выборочным пересмотром отношения к прошлому и даже кое в чем возвратом к общечеловеческим – то есть, «буржуазным» – ценностям (Хиллиг 2014, 122-25, 126-27), а главное – неким «вздохом облегчения», с которым общество отреагировало на этот поворот.

Итак, перед нами целый спектр возможных прочтений Макаренко – с одной стороны он воспринимался как коллективист, практиковавший насилие над личностью, сталинист, поскольку и Макаренко не обошелся без восхвалений Сталина, и даже сотрудник ГПУ, ибо после того, как педагогические эксперименты Макаренко были прекращены, ему дали должность в бюрократическом аппарате этого учреждения, в отделе, которому тогда подчинялись колонии малолетних преступников. На этой бумажной работе он тосковал, пока, наконец, его не отпустили в Москву, где он полностью посвятил себя писательской работе.

С другой стороны была лишь моя собственная давняя, еще детская уверенность, что в лице Макаренко перед нами не сталинист и не гепеушник, а интеллигент дореволюционной формации. Мне было тогда абсолютно ясно, что Макаренко, действующий непривычными методами, помогал ребенку в главном его стремлении – стать личностью и социально состояться, то есть был на его стороне. Самое главное, что его одушевляла высшая ценность – формирование человека в сторону сложности, разума и красоты. Это называлось, в духе эпохи – “новый человек”, но в этой цели нетрудно опознать идеал гуманистов. На мой тогдашний (середина 50-х) взгляд ребенка из затаившихся “бывших”, тайно культивировавших гуманистические идеалы, Макаренко был одним из них.

На теперешний взгляд, это подтверждает сохранившийся в бумагах Макаренко «Общий план» романа:

Личное и индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибшему миру и бунт гордой личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями [...]. Почти контрреволюционное настроение, но ненависть к глупому бунту крестьянства и к его дикости. Отчаянное презрение к городским болтунам и к бессильному стремлению что-то организовать, к воскресникам и трудовой повинности. Презрение к глупому бессильному сентиментализму интеллигентщины. Но в то же время все эти переживания не уменьшают силы и энергии личности [...]. Образуется крепкий и устойчивый одинокий цинизм. Озлобление развивается в сторону спокойного смеха, и все закипает в энергии борьбы воли с десятками разрозненных блатных воль (Макаренко 2003. Прил. 68б).

Несомненно, перед нами автопортрет “гордой личности” – то есть интеллигента, воспитанного на Ницше, Горьком и Чехове. Развал всего, хаос, безобразия и насилие, творящиеся новой властью, он принять не может. Отсюда «почти контрреволюционное отношение»: но оно не означает готовности этого индивидуалиста присоединиться к какому либо движению, лагерю, «вихрю» – это означало бы только подлить масла в бушующий огонь. Кроме того, он вовсе не консерватор, рухнувший мир он презирает. Но он нацелен на противодействие хаосу. Он видит страшные процессы, губящие массы осиротевших и бездомных детей. Он видит бессилие и бездарность интеллигенции и идет своим путем. Ницшеанство разряжается позитивом – одиночество и цинизм выковывают волю, озлобление преобразуется в спокойный смех, как и полагается ницшеанцу, и в энергию, способную сокрушить бесформенное, бессмысленное, уродливое зло преступной среды, в которой деградируют заброшенные в нее сироты. Его герой и образчик – Горький, преодолевший все беды и напасти сиротства и сделавший из себя интеллигента. Не зря колония была названа именем Горького.

Необходимо отметить и то, что пресловутый макаренковский коллективизм, о котором написано столько плохого, на самом деле действовал на отдельного ребенка двояко: вначале на новеньких не обращали внимания, их не пытались вовлечь внутрь ядра собственно колонистов, которые идентифи-

цировались с колонией и которых связывала добровольная игра в приказы, ответственность, поощрения и наказания. Заинтригованный новичок начал переживать свою периферийность в этой иерархии, начал работать со всеми и втягивался в общую игру, формирующую личность. Вместе с тем, постоянной иерархии командиров и простых колонистов в колонии не было, командиры не превращались в отдельную касту, потому что параллельно действовала подвижная система сводных отрядов, которая давала возможность вчерашним подчиненным самим осуществлять ad hoc командные функции. Это означало подчинение всех всем по очереди: то есть шанс изменить свое место в социальной иерархии предоставлялся каждому. Кажется, такое устройство дел близко к равенству.

Наконец, в колонии имело место самоуправление: высшая власть принадлежала совету командиров. И последнее и самое главное: колонисты занимались производительным трудом, колония не только самоокупалась, но и работала на себя, и не только на поддержание и развитие самой колонии, но и на колонистов, треть зарплаты которых откладывалась в специальный фонд – «приданое», из которого по выпуске из колонии, то есть по окончании школы, колонист получал деньги на высшее образование, а желающие жениться – на обустройство. В целом эта система представляла собой максимально демократическое устройство общества, далекое от того, что могла предложить власть российскому обществу в любую из известных эпох. Кстати, именно с тем, что колонисты работали на себя, не могли смириться ни вначале курировавший колонию Макаренко Наркомпрос, ни впоследствии шеф его коммуны – ГПУ. В 1935 году коммунаров из хозяев сделали наемными рабочими, и педагогический эксперимент был окончен: Макаренко ушел с работы “в отставку”, и в утешение ГПУ подбросило ему чиновничью ставку в смешном чине сержанта.

2. Украинские мотивы в соцреализме?

Украинские диалоги, которыми изобилует поэма, в детстве приводили меня в восторг, и книга стала на полку любимых рядом с Зощенко и Грином. Теперь я вспомнила о ней как об втором после Гоголя источнике даже не знания – потому что мы ничего об Украине не знали – а очарованности украинским языком. Что же касается старой моей уверенности в доброкачественности Макаренко: мне хотелось ее проверить опытом прошедшего полувека, прочесть известный всем текст новыми глазами. За рабочую гипотезу я взяла ощущение, что Макаренко не так прост. Мне не верилось, что *Педагогическая поэма* никак не откликнулась на страшные процессы, происходившие в конце двадцатых – начале тридцатых в Украине.

3. Историческая справка

После Февральской революции Украина ненадолго получила независимость и бурно началось государственное строительство. Поощрялся украин-

ский язык, открылись украинские школы. С самого начала большевистского режима в России осенью 1917 г. в отношении к украинской независимости была двойственность. Большевики, унаследовавшие традиционный уже трехвековой взгляд царистской России на Украину как на свою часть, не могли противиться национально-государственному строительству и взрывному культурному возрождению в Украине и были вынуждены пойти на уступки т.н. национальным меньшинствам. Итогом стала так называемая политика украинизации – часть общего разворота в пользу коренных народов, объявленного на Четвертой съезде РКП(б) в 1923 году. Ее реализация означала представительство коренных этносов в партийных и государственных структурах, использование в них родного языка, организацию книгоиздания и журналистики на их языках и преподавание на них в учебных заведениях всех уровней (Danylenko and Bondarchuk 2008, 327-35).

С 1924 прошла украинизация делопроизводства, Украинский язык до того начали изучать в украинских школах, открытых после Февральской революции 1917 года, и продолжали по инерции во время Гражданской войны, в основном на территориях, подвластных Центральной Раде, то есть до конца 1919 – начала 1920 гг. Теперь же, с 1924 года, преподавание украинского языка делалось обязательным для всех школ и он становился основным языком преподавания. Официально поощрялось властью и создание новой украинской литературы – с тем, чтобы создать себе свой новый, зависимый от власти и благодарный ей культурный класс.

Булгаков в *Белой гвардии* (роман написан в 1923, первая публикация 1925) жестко высмеял украинскую независимость, гетмана, Петлюру, украинский язык и погромы. Но уже когда Алексей Толстой писал второй том трилогии *Хождение по мукам* – роман *Восемнадцатый год* (1928), где действие тоже разворачивалось в Украине, тема украинского языка там полностью отсутствовала. Мы знаем, что этих писателей объединяла горячая приверженность к российским государственным, то есть имперским, ценностям. Значит, налицо резкое изменение отношения русских советских писателей к украинскому языку в течение всего лишь пяти лет. Оно видно и в том, что ранняя советская литература годов часто пользуется украинскими фамилиями – Кожухи да Метелицы – но в целом этот интерес проходит к концу двадцатых.

Украинизация была воспринята с энтузиазмом существовавшим давно, но получившим мощное подкрепление в период национальной независимости массовым национально-культурным украинским возрождением. Как бы в компенсацию ненадолго обретенной и вновь утраченной государственности, бурно развивалась языковая и культурная самостоятельность. Украинизация использовалась большевиками как важный козырь. В международном аспекте она давала Советской России перевес перед Польшей и Румынией, где украинский язык не поощрялся, а во внутреннем аспекте она позволяла им завоевать доверие украинских народных масс и создать себе базу поддержки. Важно, что на украинизации настаивали украинские коммунисты.

Однако украинизация очень быстро была приторможена: Москва испугалась и дала задний ход. Уже в 1925, Политбюро ЦК КП(б)У решило,

что русский язык должен преподаваться во всех учебных заведениях Украины. Процент школ, в которых все предметы преподавались на русском, был сильно выше процента этнически русских в Украине. В 1926 году закрыли украинские школы в РСФСР. Сталин был недоволен натиском украинских большевиков, требующих дерусификации в Украине. Уже в 1927 году Красной армии было позволено вести делопроизводство на русском языке по всей территории Союза. В 1928 году Политбюро ЦК ВКП(б) признало неправильным такое толкование закона об украинизации, при котором люди, не овладевшие украинским, не берутся на службу. Изменение курса было очевидным. В 1932 году начинается борьба с украинским национализмом сначала в партии, а вскоре и в культуре. Начало активной борьбы с украинизацией совпало с насильственной коллективизацией, приведшей к голодомору. Украинизация во многом утратила свою социальную базу – украинское крестьянство (Соколов 2022).

4. Соцреализм

Соцреалистический канон – десяток толстых романов начала 1930-х годов про большие советские проекты, индустриальные стройки, куда собралось много разных людей из разных мест – уже уделяет украинским персонажам очень мало внимания. Как показал Е. Добренко, главная черта литературы соцреализма – политиканство: то есть, иерархия разных национальностей в строительстве такого проекта, количественная и качественная, должна бы рисовать их желательное соотношение, быть примером и моделью создаваемой реальности, как и полагается в этом стиле (Добренко 2007, 58). На самом деле лишь в двух таких многолюдных панорамах были украинские статисты: в романах *День второй* И. Эренбурга (1931) и *Время, вперед* В. Катаева (1932). Но их презентация в этих текстах минимальна и амбивалентна, что и немудрено на фоне стремительно меняющейся реальности. Люди с украинскими фамилиями в этих сочинениях – периферийные фигуры. У Эренбурга они ненадежны: рабочий Сидорчук тайно торгует водкой, а рабочий Павченко доносит из ревности. У Катаева рабочий Ищенко положительный: в момент, когда его жена рождает, он бежит из больницы на стройку. Но вот рабочий Саенко обижает рабочего Загирова из-за его казахской национальности, заставляет его пить, они дерутся, но Загиров вырывается от Саенко и бежит на стройку. Тем временем Ищенко ставит на стройке рекорд, его принимают в партию: то есть, добродетель Ищенко перекрывает грехи Саенко и соблюдено равновесие. Итак, в общей многонациональной картине в обоих случаях украинцы в целом выглядят двойственно.

В плане взаимоотношений канона с Украиной и украинским языком оказался интересен Николай Алексеевич Островский¹, роман которого являет-

¹ Имя Островского недавно было во всех заголовках, потому что в процессе десоветизации сносили его памятники по всей Украине.

ся одним из главных столпов соцреализма. Родным языком Островского был украинский, «риденська мова», по его выражению. Об украинском переводе своего романа *Как закалялась сталь* он писал:

Мне кажется, что на украинском языке книга выигрывает, ибо диалоги там даны на родном языке действующих лиц. Сестре и мне, например, книга на украинском языке нравится больше, чем на русском, и это без наличия национального уклона. Я, конечно, шучу (Островский 1969/3, 249).

Действительно, Островский был сыном украинца и матери-чешки, учился до Февраля, как полагалось всем украинцам, по-русски, а в 1917-1919, то есть с 13 до 15 лет – по-украински, причем был блестящим учеником, издавал в училище газету и т.д. После печальных перипетий, погубивших его здоровье (о реальных событиях его биографии очень мало известно, а события романа вымышлены или сильно искажают факты), Островский начал писать, поначалу по-украински: это были какие-то документальные фрагменты по истории молодежного коммунистического движения Украины. Однако, он перебрался в Москву и перешел на русский язык, при том что украинским языком он по всей очевидности владел лучше.

Как бы то ни было, прочтя первые варианты романа, написанные им по-русски, редактора предложили ему переписать все по-украински (возможно, дело было не столько в языке, сколько в литературной неискушенности автора). Он был подавлен и сказал, что и подумать не может об обратном переходе. Впоследствии роман был подвергнут многократной литературной и политической правке, над ним работала бригада редакторов, причем предложенные изменения в текст вносил сам автор. В его окончательной форме (1935) роман Островского лежит полностью в русле политики сталинской деукраинизации. Украинцы в целом представлены как националисты: так, в театре Шепетовки торжественно встречают бойцов УНР, зал набит битком, там буквально весь мало-мальски грамотный народ города, но автора это вовсе не смущает, и он всех их описывает в целом как некий разгул эсеровско-буржуазно-кулацкой мути. Затем на одних петлюровцев прямо в театре нападают другие петлюровцы и друг друга истребляют. Явно цель этого эпизода – показать, что украинцы неспособны к самоуправлению, что они в любой момент срываются на разнузданное беснование низших инстинктов, что должна иллюстрировать ужасная сцена еврейского погрома: насколько я помню, в шестидесятые роман продолжали читать ради ее одной. Все же в книге цитируются украинские песни; но кроме них, украинский язык в романе сокращен до минимума. Например, в первоначальном, до редакционных правок рукописном тексте *Как закалялась сталь* – стоит: «– Эй, хлопцы, ходиць сюды!» А в окончательном варианте: «– Эй, хлопцы мои, сюда!» (Островский 1969/1, 38-39; Трегуб 1964, 92-100). Персонаж за истекший период успел обучиться русскому языку, с вкраплениями украинизмов. Так что даже в мелочах правка была не только стилистической, но и политической, отражая изменяющееся отношение центральной власти к украинскому языку.

5. Использование украинского языка в *Педагогической поэме*

Одной из неотъемлемых частей соцреалистического канона всегда была *Педагогическая поэма* Антона Семеновича Макаренко, украинского педагога и советского писателя, писавшего по-русски. Место *Педагогической поэмы* в каноне русского соцреализма, как описания мира, проникнутого гармонией, где уже почти достигнуто ослепительное будущее – рядом с романами о больших проектах, вроде *Время – вперед!* и *День второй*. Однако Макаренко в середине тридцатых, после появления *Педагогической поэмы*, подвергся беспрецедентно жестоким нападкам в прессе; книга именовалась «антипедагогической поэмой», ее автор – «антисоветским воспитателем». Лишь после смерти Макаренко в 1939 году произошла его канонизация как советского педагога (Хилиг 2014, 45-70).

То, что читатель чувствует по поводу украинского языка в *Поэме*, как бы даже не вяжется с фигурой Макаренко как несомненного русификатора. О национальном и языком самоопределении Макаренко написал ряд статей Хилиг (2014, 79-88; 2017, 218). Тут нет никакой двусмысленности. У Макаренко отец был украинцем, а мать русская, из обедневшей дворянской семьи. При этом отец был ко всему украинскому равнодушен, порой враждебен, а мать любила украинский юмор. Языком семьи был русский, все чтение было по-русски. Дореволюционное образование в Украине было обязательно русское, высшая школа тем более. Макаренко окончил учительский институт, и был, естественно, русификатором по профессии. В армии он служил совсем недолго – осенью 1917 его было мобилизовали, но весной отпустили из-за плохого зрения. Он и его младший брат, офицер Виталий Семенович Макаренко (Хилиг 1998) некоторое время (1917-1919 гг.) преподавали в Крюковском высшем начальном железнодорожном училище², которым Макаренко вскоре стал заведовать.

Преподавание в руководимом Макаренко Высшем начальном железнодорожном училище в 1917-1919 гг., когда часто менялись власти, велось на русском языке, а украинский язык как предмет в программу обучения не входил. Так же и руководимый Макаренко в это время в Крюкове драматический кружок им. Короленко ограничивался постановкой русскоязычных пьес (русских и иностранных авторов – ср. Хилиг 2014, 81).

Младший брат Макаренко, бывший поручик царской армии Виталий Семенович Макаренко преподавал в этом училище физкультуру и вводил во-

² «По мере расширения сети железных дорог и увеличения числа работающих на железной дороге во второй половине XIX в. происходит становление профессионального образования как части железнодорожной индустрии [...]. для детей железнодорожников на станциях начинают открываться и общеобразовательные школы по типу сельских одно-классных и двухклассных, реже – городских училищ. Централизация и институционализация среднего железнодорожного образования происходит в 1886 г., когда казенные и частные учебные заведения были переданы в ведение Министерства путей сообщения, где был создан учебный отдел, а для их содержания был организован фонд, формировавшийся из отчислений от доходов с железных дорог» (Маслинский 2012, 403-18).

енизированных элементы в свое преподавание и во внешкольные занятия. Именно по его инициативе братья организовали в училище театральный кружок, в котором оба ставили пьесы и играли. В 1919 году Макаренко вернулся в Полтаву, где стал директором русской городской школы. Летом 1919 года Виталий вступил в добровольческие войска и с ними покинул Крюков, а затем в 1920 эмигрировал. После его отъезда дом семьи Макаренко в Крюкове был разграблен дотла. Макаренко забрал мать к себе в Полтаву, и вскоре началась его деятельность в колонии для малолетних правонарушителей в Полтавской области около местечка Трибы.

Все существование колонии, все преподавание в ней и все общение проходило на русском языке. Колонисты по большей части городские, то есть русскоязычные дети, но в повествовании Макаренко изображены и дети-украинцы, которые говорят между собой по-украински, обращаются к педагогам по-украински и по-русски, но учатся, по всей видимости, по-русски. В 1924 году, когда украинский стал единственным государственным языком и от Макаренко потребовали украинизации деловой переписки, он выучил (то есть активизировал) язык и писал отчеты на сносном украинском. До доклада специальной комиссии ЦКК ВКП(б) о результатах обследования практики проведения национальной политики на Украине за 1925-1927 гг., где указывалось на «перегибы в проведении украинизации», оставалось три года. Все же, колония имени Горького оставалась единственной в Украине, где обучение и общение долго продолжали вестись на русском языке. Языковые претензии играли важную роль в нарастающем недовольстве им начальства. Эти противоречия запечатлены в *Поэме* – это один из воспитателей колонии, украинец, изображенный в сатирических тонах:

Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка, украсил все помещение колонии дешевыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, – к пению «украинских писэнь».

Дерюченко был еще молод. Его лицо было закручено на манер небывалого запорожского валета: усы закручены, шевелюра закручена, и закручен галстук-стричка вокруг воротника украинской вышитой сорочки. Этому человеку все же приходилось проделывать дела, кощунственно безразличные к украинской державности: дежурить по колонии, заходить в свинарню, отмечать прибытие на работу сводных отрядов, а в дни рабочих дежурств работать с колонистами. Это была для него бессмысленная и ненужная работа, а вся колония – совершенно бесполезное явление, не имеющее никакого отношения к мировой идее (Макаренко 1957а, 184).

Макаренко иронически цитирует выказывания этого персонажа на настоящем культурном украинском, а в конце концов выставляет его смехотворным дураком и рвачом.

В 1928 году колония имени Горького перестала существовать, и Макаренко перешел на работу в коммуну им. Дзержинского в Харькове, относящуюся к системе ГПУ, где основным языком общения был русский.

Отношение властей к украинскому, как мы уже видели, менялось, и языковые претензии к нему прекратились. В результате у многих его воспитанников обучение начиналось по-русски, продолжалось несколько лет по-украински (в середине-конце двадцатых), а завершалось опять по-русски. В своей первой повести *Марш тридцатого года* (1930) Макаренко пишет об установившемся вследствие этого «нашем русско-украинском языке» (Макаренко 1957б, 90).

6. Особенности *Поэмы*

Педагогическая поэма начала писаться после того, как Макаренко потерял колонию и во многом затем, чтоб воссоздать главное дело жизни автора в слове и так возместить эту потерю. Я предположила, что украинский язык в *Поэме*, особенно в первых двух частях, писавшихся в конце 1920-х – начале 1930-х, ностальгически отражает меняющийся статус украинского языка в Украине. Возможно, такое интенсивное использование украинского также является своего рода ответом автора на истребительную борьбу властей с украинским народом, усиление русификации, разгром всего живого в украинской жизни – и местной партийной и комсомольской верхушки, и украинской литературы, живописи и театра, чему Макаренко к моменту окончания книги успел побывать прямым свидетелем. Как бы то ни было, главный прием *Педагогической поэмы* – это игра с украинским языком человека, который его замечательно чувствует и понимает, и это чувство заражает читателя, как в гоголевских *Вечерах*. *Педагогическая поэма* последовала за повестью *Марш 30 года* – сухо-документальной, написанной безличным, невыразительным языком – возможно, в результате того, что повесть два года находилась в руках разных редакторов и только в 1932 г. вышла в свет. *Поэма*, напротив, – несомненная художественная удача. Я-повествование *Поэмы* – русское, обильно украшенное украинизмами – иногда в кавычках, иногда без кавычек, иногда с переводом, иногда без, часто в весьма непоследовательной русской транслитерации, с ошибками, неточностями и постоянным перескакиванием с языка на язык. В *Поэме* используется широкая стилистическая амплитуда русских регистров: от сдержанного, иногда – нарочито казенного, часто – в обрамляющих пассажах – аналитического, до исповедального, порой крайне эмоционального. Игра идет на контрасте стилистических топов: авторского ученого или бюрократического – и бытового, событийного, описывающего бедность, грязь, заброшенность и провинциальность. Так, ученые названия глав в *Поэме* служат камертоном, настраивающим на теоретическое настроение: это могут быть заглавия известных научных книг, как *Характер и культура* – так называется одна из монографий Зигмунда Фрейда: это могут быть термины педагогики, психологии или антропологии, например, ‘Доминанта’ или ‘Характеристика первичных потребностей’, или официальные военные или административные выражения, например: ‘Операции внутреннего характера’ или ‘Дела государственного значения’. В том же повышающем значении используются литературные цитаты, как «Хождение Семена по мукам»,

с аллюзией на роман Алексея Толстого, которого Макаренко очень любил и даже написал рецензию на первую часть *Петра I*; или «Кувшин молока» (современный читатель уже не знает, что это заглавие известной басни Лафонтена), или «Габерсуп», явно из *Ревизора*, или вполне библейское «Бытие». Разумеется, в ходе повествования названия глав попадают в бытовой регистр и иронически переосмысляются.

К этим перепадам добавляется эффект двуязычия. Украинско-русская билингвальность действует на протяжении первых двух частей *Поэмы*: в третьей части описывается переезд колонии в русскоязычный Харьков, и украинское повествование сокращается до минимума. Однако украинская компонента вовсе не привязана к определенным, например провинциальным коннотациям – скорее она амбивалентна и позволяет внезапные эффекты. Главным носителем билингвальности оказывается завхоз Калина Иванович Сердюк, который выражался «... с украинским прононсом, хотя принципиально украинского языка не признавал. В его словаре было много украинских слов, и “г” он произносил всегда на южный манер» (Макаренко 1957а, 17).

7. Функции украинского

По-украински говорят украинские крестьяне, с которыми у колонии конфликты, ибо колония забирает земли, которые те захватили в революцию, конфискует правдами и неправдами их скот, сельскохозяйственную технику и самогонные аппараты, то есть ведет себя как угнетающая, провластная структура. Поэтому крестьяне к колонистам враждебны, подобно тому, как враждебны к крестьянам сам Макаренко и его воспитанники – крестьяне они знают изнутри, презирают за жадность и называют «граками». С крестьянами колонисты входят в диалог по-украински, общий язык служит им, чтобы обманным ходом втереться в их доверие и неожиданно предательски оказать ся не своими, а чужими и поразить наповал:

Карабанов зашептал мне на ухо:

– Брешет. Я этого дядька знаю... Вы не с Сторожевого?

– Эге ж, с Сторожевого. А ты ж що ж тут? А чи ты не Семен Карабан? Панаса сынок?

– Так как же! – обрадовался Семен. – Так вы ж Омельченко? Мабудь, боитесь, що отберут? Ага ж?

– Та оно и то, шо отобрать могут, да и сына женить же...

– Та хйба ваш сын доси не в банде?

– Що вы, Христос з вами! (Макаренко 1957а, 158).

Однако, к середине повествования тема противостояния с крестьянами исчерпана. Выявляется герой, любимый воспитанник Карабанов, сын украинских крестьян, который использует украинский виртуозно и в других художественных целях. Ему поручили отвезти в городской морг трупик новорожденного, задушенного родившей его воспитанницей. Ужас этого убийства потряс колонию, и герой преодолевает этот ужас своим фальши-

вым восторгом по поводу увиденных в морге заспиртованных монстров и идиотским энтузиазмом по поводу этой макабрической сцены и якобы несомненных преимуществ собственного трупа. Украинский язык служит здесь способом обезвредить страшную коллективную травму путем ложного ее истолкования и неадекватного реагирования в виде восхищения вместо ожидаемого ужаса.

На третий день после убийства Карабанов отвез труп ребенка в какую-то больницу. Возвратился он в большом воодушевлении:

– Ой, чога я там тилько не бачив! Там в банках понаставлено всяких таких пацанов, мабуть десятка три. Там таки страшни: з такою головою, одно – ножки скрючило, и не разберешь, чы чоловик, чы жаба яка. наш – куды! Наш – найкращий (Там же, 119).

Именно в связи с личностным переломом у этого героя *Поэма* приводит украинскую песню, буквально изображающая расширение души:

Вылиталы орлы
З-за крутой горы,
Вылиталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы (Там же, 195).

В середине повествования украинский резервируется для гораздо более сложных и изысканных ролевых игр колонистов: вот, например, игра в помилку якобы махновцев:

– Голову сняты або расстриляты! Ходят по лесу с оружием, мабуть, их там богато.

К Федоренко, человеку страшно селянскому, обращались вдруг:

– Признавайся, у Махна був?

Федоренко довольно быстро соображал, как нужно ответить, чтобы не нарушить игру:

– Був.

– А что там робыв?

Пока Федоренко соображает, какой дать ответ, из-за его плеча кто-нибудь отвечает его голосом, сонным и тупым:

– Коров пас.

Федоренко оглядывается, но на него смотрят невинные физиономии. Раздается общий хохот. Смущенный Федоренко начинает терять игровую установку, приобретенную с таким трудом, а в это время на него летит новый вопрос:

– Хиба в тачанках коровы?

Игровая установка окончательно потеряна, и Федоренко разрешается классическим:

– Га? (Макаренко 1957а, 197).

В какой-то момент возникает план перевода колонии на остров Хортицу, и колония увлекается запорожской темой. Вот игровой эпизод принятия в колонию девушки, привезенной из города тем же Карабановым:

Лапоть повернулся к собранию с таким выражением лица, какое бывает у напряженно думающих дураков: надувался, хлопал глазами, поднимал палец, задирает нос, и все это без какого бы то ни было намека на улыбку.

– Значиться, так будэмо говорыты: «Отче наша» вона нэ тямить, «Верую» ни в зуб ногой, Днипро пэрэпльвэ. А може, нэ пэрэпльвэ?

– Пэрэпльвэ! – кричит собрание.

– Ну добре, а колы не Днипро, так Коломак пэрэпльвэ?

– Пэрэпльвэ Коломак! – кричат хлопцы в хохоте.

– Выходить так, що для нашої льцарьської запорожської колонии годыться?

– Годыться.

– До якого куреня?

– До пятого.

– В таком рази посыпьте ий голову писочком и вэдить до куреня.

– Та куды ж ты загнув? – кричит Карабанов. – То ж тилько кошевым писочком посыпалы...

– А скажи мени, козачэ, – задает вопрос Семену Лапоть, – а чи життя розвивається, чи нэ розвивається?

– Розвивається. Ну?

– Ну так раньше посыпали голову кошевому, а теперь всем (Макаренко 1957а, 384-85).

Остроумие в колонии высоко ценится, чудаков и дураков подстерегают розыгрыши:

– Что случилось, Галатенко?

– Разве он имеет право? Он думает, как он командир четвертого, что ж с того? Ему сказали – зробить станок для Молодця, а он говорит: и для Молодця зробить, и для Галатенко.

– Кому говорит?

– Да столярам своим, хлопцям.

– Ну?

-- То ж станок для Молодця, чтоб из вагона не выскочил, а они поймали меня и мерку снимают, а Таранец каже: для Молодця с левой стороны, а для Галатенко – с правой.

– Что это?

– Та станок же.

Лапоть задумчиво чешет за ухом, а Галатенко терпеливо-пристально ждет, какое решение вынесет Лапоть.

– Да неужели ты выскочишь из вагона? Не может быть!

Галатенко за окном что-то выдывает ногами и сам на свои ноги оглядывается:

– Та чего ж я выскочу? Куда ж я буду выскакуваты? А он говорит: сделайте крепкий станок, а то он вагон разнесет.

– Кто?

– Та я ж...

– А ты не разнесешь?

– Та хiba я буду... там... в самом деле... (Там же, 486-87).

Итак, украинский в *Поэме* становится языком драгоценных драматических инкрустаций, полных остроумия. Нужно вспомнить здесь о тяготении Макаренко к театру еще со времен их с братом совместной педагогической работы в Крюково, и о театральном эксперименте в полтавской колонии, которым он руководил. Драматические элементы в романе и украинско-русское двуязычие сообщают ему добавочную жизнестойкость.

8. Крестьянская тема

Поэма рассказывает о начале-середине 1920-х. События начала 1930-х у Макаренко никак не отражены, коллективизации нет, голодомора нет. И все же *Поэма*, как и ее автор, не так проста. У Макаренко украинское село, несмотря на свою “дикость”, которая, как мы помним, отталкивала его с самого начала, все же неожиданно предстает как обольстительный идеал порядка, хозяйственности и незаурядного ума крестьян. Перед нами описание в лучших традициях русского конструктивизма, недолго просуществовавшего, но отчетливо заявившего о себе движения конца 1920 – начала 1930х гг., восславлявшего разум и европеизм.

Перед нами без конца, от горизонта до горизонта, ширилась по нивелиру сделанная равнина [...]. Равнина плотненько была засеяна хлебом; золотые, золотисто-зеленые, золотисто-желтые, ходили кругом широкие волны [...]. А на этом золотом фоне с непостижимой правильностью были расставлены группы белоснежных хат [...]. Все это выдержано было в точном стиле; самый придирчивый художник не мог бы здесь обнаружить ни одного ложного мазка (Макаренко 1957а, 304-5).

Наиболее политически некорректные суждения автор отдает старику-завхозу колонии Калине Ивановичу Сердюку, политические и мировоззренческие мнения которого оригинальны, но лишены системы: это объясняется отчасти невообразимой биографией – украинец, «был он в молодости гусаром лейб-гвардии Кексгольмского ее величества полка...» (Там же, 17), а отчасти богатым жизненным опытом: «Он с одинаковым вкусом ругал буржуев, большевиков, русских, евреев, нашу неряшливость и немецкую аккуратность» (Там же). Поскольку упрекать такого человека за его мнения бессмысленно, Макаренко этого не делает и не замечает, как тот нарушает пределы дозволенного: как и повествователь, Калина Иванович одобряет пасторальную картину сел и пажитей: «Картина понравилась и Калине Ивановичу: – Вот видите, как хозяева живут? Тут тебе живут аккуратные люди» (Там же, 305). И завхоз озвучивает пронародную, прокрестьянскую позицию: правда, этого эпизода нет в советских собраниях сочинений, но он зато присутствует в полной версии, реконструированной С.С. Невской по рукописи уже в постсоветское время. Впервые эта версия появилась в книжном виде в 2003 году (существует и более позднее издание – Макаренко 2018), но разные фрагменты из полной версии, очевидно, постепенно и в разное время успели проникнуть в разнообразие интер-

нет-издания *Поэмы*, поэтому относиться ко всем ним, кроме полной версии, следует с большой осторожностью.

В полной версии Калина Иванович уничижительно отзывается о деревенских бедняках: «– Это тебе не какие-нибудь незаможники, у которых, понимаешь, главная животная – воша». Тут с ним – с советской позиции – не соглашается конюх-колонист: «– Тут враги советской власти живут, бандиты, – сказал Антон, оглядываясь с козел» (Макаренко 2003, 302). На что Калина Иванович резко возражает:

– Да на что ему твоя советская власть? – даже рассердился немного Калина Иванович. – Что ему может дать твоя советская власть, када у него все есть: хлеб свой, и мясо, и рядно, и овчина, самогон тоже сам делает, паразит, венник ему если нужен, так смотри, нехворощи сколько растет и какая хорошая нехвороща.

– И лебеда своя, – сказал Шере (Там же).

Шере – это гениальный ученый агроном колонии, модернизатор, презирающий примитивное хозяйство украинских крестьян. Но ему Калина Иванович возражает: «– Лобеда не мешаает, што ж с того, што лобеда, а этот хозяин все государство держит, а если б еще государство с ним обходилось, как следует... Это тебе хозяин: он не доспит, не доест, а все на пользу... Потому что трудиться... А кто трудиться, тот и богатым будет. Вы ж, только поглядить, до чего тут хорошее хозяйство. Душа радуется»... (Там же).

И в 1933 г., когда писались или переписывались эти строки, и в 1934 г., когда они редактировались, и в 1935 г., когда текст *Поэмы* вышел в альманахе и отдельной книгой, становилось все яснее, что государство обходится со своими крестьянами не как следует. В издании 1935 года эта апология крестьянства в тексте отсутствует. Впрочем, отсутствуют и доводы агронома, что хозяйство это ведется как при Рюрике, и урожаи снимает нищенские, и живут как дикари, на которые, впрочем, Калина Иванович реагирует возмущенно – и совершенно правильно – как на попытку перевести разговор в совершенно другое русло, с дурного обращения государства с тружениками-крестьянами, которое выглядело столь явно несправедливым, на якобы отсталость этих крестьян – как будто этот аргумент мог оправдывать подобное отношение.

Макаренко, очевидно, чувствовал необходимость уравновесить столь явно политически ошибочный панегирик Калины Ивановича украинским “куркулям”. По сюжету сам рассказчик в компании своего завхоза и агронома объезжает соседние хутора в поисках лошадей на продажу – но крестьяне пугаются комиссарского вида Макаренко в полувоенной форме, с револьвером и в очках. Одни прячут лошадей, другие ломают несусветные цены. И тогда разочарованный Калина Иванович ругает крестьян за то самое, за что раньше хвалил – за автономность: «Залезло чертово отродье, сховалось на хуторах, и никто ему не нужный» (Макаренко 2003, 305). По поводу крестьян он говорит теперь вещи уже совершенно “политкорректные” и в полном ладу с генеральной линией: «Мало их, паразитов, советская власть придавила, этот народ сничтожить нужно» (Там же). Слово ‘народ’ особенно играет

здесь многозначностью! Эта часть эпизода с кровожадной репликой, в точности соответствующей сталинской политике, также отсутствовала в советских изданиях.

Разумеется, надо делать поправку на отношение рассказчика к Калине Ивановичу, в целом ироническое, никогда не полностью серьезное, и на юмористический характер всей главы: на следующий день Калина Иванович повторяет попытку купить лошадей, но выезжает уже без Макаренко, а в компании богатого соседа-украинца, их встречают с почетом, и они триумфально возвращаются домой с покупкой.

Что происходило с Макаренко в 1935 году, когда *Поэма* вышла – сперва в *Альманахе* Горького, а затем отдельной книгой? Летом 1935 года он потерял и коммуны и был переведен на штатную бюрократическую должность в аппарате НКВД в Киеве. Там он полтора года заведовал отделом трудовых колоний и отчаянно скучал. В 1936 году появляется опасный донос на него, которому тогдашний нарком внутренних дел Украины А. Балицкий не дал ходу (Хиллиг 2014, 139-54). Остаться в Украине, однако, стало опасно, и Макаренко приложил все усилия, чтобы перебраться в Москву. В июле 1937 года Балицкий сам был арестован, и донос на Макаренко передали в Москву. Жена Макаренко вовремя заручилась поддержкой Шолохова и Фадеева, которые просили за него Сталина, и писателя не тронули, но он умер от разрыва сердца 1 апреля 1939 года.

История осмысления Макаренко – это история постоянного несогласия между разными трактовками. Академический взгляд на вещи только начинает складываться теперь, когда появился в переводе колоссальный фактический материал, введенный Гетцем Хиллигом. Мне пришлось еще усложнить и без того противоречивую картину, предположив в тексте Макаренко, наряду с ожидаемыми антинародными, и либеральные коннотации. Я надеюсь, тем не менее, что необходимые свидетельства подобных настроений писателя, как это обычно бывает, не находились до сих пор лишь потому, что никто их не искал.

Цитируемая литература

- Danylenko, Viktor, and Petro Bondarchuk. 2008. “‘Ukrainization’ and the Famine of 1932-33 in Ukraine.” In *Translated Academic Articles. HREC* [orig.: Володимир Даниленко, и Петро Бондарчук, „Українізація” і голод 1932-1933 років в Україні.” In *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки*. Міжвід. зб. наук. пр., 327-35. вип. 18], <https://holodomor.ca/resources/further-reading/translated-academic-articles/>
- Makarenko, Anton. 1972-1997. *Gesammelte Werke. Band 1-8* (Marburg Ausgabe). Ravensburg-Stuttgart: Otto Maier Verlag.
- Waterkamp, Dietmar. 2018. “Götz Hillig and his search for the true Makarenko. What did he find?” *International Dialogues on Education* 5/2: 37-55.

- Добренко, Евгений А. 2007. “Социалистический реализм и реальный социализм (Советские эстетика и критика и производство реальности).” *Colloquia* 18: 57-91.
- Макаренко, Антон С. (1935) 1957а. *Педагогическая поэма*. В кн. Антон С. Макаренко, *Сочинения в семи тт.* Москва: Инст. теории и истории педагогики, 2-е изд., т. 1.

- Макаренко, Антон С. (1930) 1957б. *Марш 30 года*. В кн. Антон С. Макаренко, *Сочинения в семи тт.* Москва: Институт теории и истории педагогики, 2-е изд., т. 2.
- Макаренко, Антон С. 2003. *Педагогическая поэма*. Первое полное издание без сокращений. Сост., вступ. статья, примеч., пояснения С.С. Невская. Москва: ИТРК, http://makarenko-museum.ru/Classics/Makarenko/Makarenko_A_Pedagogic_Poem/Makarenko_Ped_poem_full_text.htm
- Макаренко, Антон С. 2018. *Педагогическая поэма*. Полная версия. Сост., вступ. статья, примеч., комментарии С.С. Невская. Москва: АСТ.
- Маслинский, Кирилл А. 2012. “Учитель железнодорожной школы (к типологии советских педагогических сообществ).” *Антропологический форум* 6: 403-18.
- Островский, Николай А. 1969. *Собрание сочинений*, в 3-х тт. Москва: Правда.
- Соколов, Борис В. 2022. “Украденная идентичность. Как большевики перешли от украинизации к деукраинизации.” *The Insider*, 27 апреля 2022, <https://theins.ru/history/250554>
- Ткаченко, Андрей В. 2019. “Антон Макаренко и Гётц Хиллиг: два имени, которые невозможно разъединить.” *Народное образование* 5: 185-86.
- Толстая, Елена. (1985) 2003. “Как закалялся стиль.” В кн. Елена Толстая, *Мирпослеконца. Работы о русской литературе 20 века*, 422-42. Москва: РГГУ.
- Трегуб, Семен. 1964. *Жизнь и творчество Николая Островского*. Москва: Худож. лит-ра.
- Хиллиг Гетц, и Ирене Виль, ред. 1993. *25 лет лаборатории «Макаренко-реферат» Научно-исследовательского центра сравнительной педагогики Марбургского университета 1968-1993*. Марбург.
- Хиллиг, Гетц, сост., комментарии. 1998. *На разных берегах... Судьба братьев Макаренко*. Москва: Витязь.
- Хиллиг, Гетц, 2012. “Комментарии.” В кн. Антон С. Макаренко, *Публичные выступления (1936-1939 гг.)*. Аутентичное издание, под ред. Гетца Хиллига. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина.
- Хиллиг, Гетц. 2014. *В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976-2014)*. Полтава: Полтавский национальный педагогический ун-т им. В.Г. Короленко.